

С.В. Смоленский

**В защиту просвещения
Восточно-Русских инородцев
по системе Ник. Ив.
Ильминского**

**издание Общества ревнителей
русского исторического
просвещения в память
Императора Александра III,
выпуск 14**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

- С11 **С.В. Смоленский**
В защиту просвещения Восточно-Русских инородцев по системе Ник. Ив. Ильминского: издание Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III, выпуск 14 / С.В. Смоленский – М.: Книга по Требованию, 2018. – 66 с.

ISBN 978-5-458-13500-9

Лет 40 тому назад, в далекой и очень тогда захолустной Казани волновались лучшие умы, обсуждая открывавшиеся горизонты всякого рода. Эти умы уже успели начать свою энергичную службу новшествам 60-х годов, - новому суду, земству, просвещению, гласности и пр. В ту же пору в дружеской беседе Казанских профессоров однажды было высказано следующее предостережение.

ISBN 978-5-458-13500-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

и мощная помощь случайно оказавшихся тогда въ Казани истинныхъ радѣтелей народнаго просвѣщенія оставили дѣло Ильминскаго, казалось, вполне твердо.

Все гениальное, какъ извѣстно, — просто и спокойно-дѣловито; въ приложеніи этого гениальнаго къ жизни, оно, какъ и служеніе музамъ, «не терпитъ суеты»; какъ «прекрасное» — дѣло Ильминскаго дѣйствительно величаво. Оно, кромѣ своей внутренней красоты, кромѣ незамѣнимаго значенія для инородцевъ, несомнѣнно, имѣетъ и самое глубокое общественное значеніе, — даже, можетъ быть, всего болѣе важное для будущей русской народной школы и для всей Россіи.

Ильминскій просто, довѣрчиво подошелъ къ нашимъ инородцамъ, какъ старшій, любящій братъ. Онъ началъ учить инородцевъ, выучилъ первые кадры инородческихъ учителей, выработалъ новый, жизненный типъ народныхъ инородческихъ школъ и сдѣлалъ переводы для этихъ школъ и для инородческаго богослуженія. Когда дѣло окрѣпло, Ильминскій добился утвержденія своего дѣла законодательнымъ путемъ, для неуклоннаго его продолженія послѣ своей смерти.

Дѣло это, послѣ свыше 15-лѣтней подготовки, Ильминскій началъ въ 1862 году и блестяще велъ его до своей кончины въ 1891 г. Въ теченіе почти 30 лѣтъ Ильминскій развилъ свое дѣло отъ обученія только крещенныхъ татаръ въ Казани до обученія инородцевъ всего Поволжья, даже далекой Сибири, — отъ единичнаго просвѣтительства до привлеченія къ дѣлу массы людей. Послѣдніе, начавъ подъ его руководствомъ, продолжаютъ и донинѣ просвѣщать множество разноплеменныхъ инородцевъ, также расширяя дѣло. Поэтому принципы системы Ильминскаго и средства ея осуществленія слѣдуетъ считать доказанными и въ успѣшной дѣятельности продолжателей дѣла христіанскаго просвѣщенія и воспитанія инородцевъ.

Но... Я былъ недавно въ Казани у могилы Ильминскаго и, подъ впечатлѣніями личными, какъ и отъ чтенія печатной полемики, такъ и отъ рассказовъ друзей покойнаго, вынужденъ взяться за перо. Я узналъ на мѣстѣ и провѣрилъ въ С.-Петербургѣ, что дѣло просвѣщенія инородцевъ зашаталось въ самомъ своемъ основаніи. Поэтому я считаю

себя обязаннымъ не молчать, а громко протестовать, твердо встать на защиту дѣла Ильминскаго и твердо же, гласно высказать свое сильное слово «имѣющимъ уши слышати». Дѣло Ильминскаго, какъ слишкомъ дорогое и надобное для Россіи, должно быть защищено, и притомъ во всеуслышаніе. Это дѣло теперь уже не Казанское только, а русское. Оно имѣетъ свои права, которыя не могутъ быть нарушены рѣшительно никѣмъ и ни подъ какимъ предлогомъ, хотя бы и благовидно мотивированнымъ, даже и несмотря на законнѣйше проведенное, хитроумное преобразование Казанскаго Братства св. Гурія.

И дѣйствительно: къ неогороженной могилѣ Ильминскаго, у паперти Казанской кладбищенской церкви, до сихъ поръ не зарастаетъ «народная тропа»... Дѣйствительно, Ильминскаго поминаютъ и славянинъ, и нынѣ дикій тунгузъ; эта «народная тропа» — тропа благодарныхъ, опечаленныхъ инородцевъ и всѣхъ русскихъ людей, знавшихъ Ильминскаго, благоговѣнно почитающихъ память великаго учителя и человѣколюбца. Но не ходятъ къ этой могилѣ только тѣ изъ пришлыхъ казанцевъ, которымъ слѣдовало бы положить передъ нею земной поклонъ и покаяться въ своихъ грѣхахъ. Грѣхи этихъ пришлыхъ людей, можетъ быть, и неумышленны, но, несомнѣнно, тяжки. Въ обличеніе этихъ грѣховъ и ради возстановленія пошатнушагося дѣла пишутся эти строки.

II.

Конечно, не всѣ и не повсюду знаютъ имя и дѣло Ильминскаго. Поэтому скажемъ прежде всего, кто онъ былъ и въ чемъ собственно состоитъ идейная величавость и общественная многозначительность его дѣла.

Николай Ивановичъ Ильминскій (род. 23-го апрѣля 1822 г. въ Пензѣ, умеръ 27-го декабря 1891 г. въ Казани) былъ назначенъ «баккалавромъ» (доцентомъ) Казанской духовной академіи сейчасъ же по окончаніи въ ней курса въ 1846 г. Онъ скоро обратилъ на себя общее вниманіе, обнаруживъ какія-то совсѣмъ особенныя способности къ языкознанію. Еще на студенческой скамейкѣ его звали «полиглоттомъ», т.-е. многоязычникомъ. Совмѣстныя занятія

Ильминскаго съ извѣстнымъ ориенталистомъ А. К. Казембекомъ и самостоятельные переводы нашихъ богослужебныхъ книгъ на татарскій языкъ снискали Ильминскому расположение Казанскаго архіепископа Григорія—послѣ С.-Петербургскаго митрополита. Послѣдній, угадавъ въ Ильминскомъ будущаго крупнаго дѣятеля, выхлопоталъ ему заграничную командировку въ Константинополь, Сирію, Палестину и Египеть.

Эта поѣздка (1851—53) была первымъ въ Россіи случаемъ посылки за границу съ ученой цѣлью питомца духовной школы. Понятно, что при любознательности, трудолюбіи и при отличномъ уже образованіи, Ильминскій въ эту 3-хъ-лѣтнюю поѣздку чрезвычайно расширилъ свои познанія и наблюдательность. Но, по возвращеніи въ Казань, онъ оказался, однако, мало понятымъ даже такимъ начальствомъ, какъ даровитый ректоръ архимандритъ Іоаннъ и высокообразованный Казанскій архіепископъ Аванасій. Ильминскаго начали грубо эксплуатировать, нисколько не пользуясь имъ, какъ ориенталистомъ. Его даже заподозрили чуть не въ мусульманской пропагандѣ и обидно вытѣснили изъ академіи. Оскорбленный въ начатомъ уже обдумываніи дѣла о просвѣщеніи инородцевъ, Ильминскій взялъ случайно подвернувшееся мѣсто переводчика въ пограничной комиссіи въ Оренбургѣ. Это было въ 1858 г. Въ Петербургѣ быстро поняли ошибку академіи, всячески озаботились поправить дѣло, но было уже поздно.

Три года службы Ильминскаго въ Оренбургѣ, однако, оказались самыми полезными для его послѣдующей дѣятельности. Бывшій свыше 10-лѣтній трудъ въ Казани по части переводовъ и непосредственныхъ общеній въ деревняхъ съ крещеными татарами дали Ильминскому совершенно опредѣленную картину этнографическаго и миссіонерско-политическаго содержанія. Въ Оренбургѣ онъ встрѣтился съ отатаренными и омусульманенными киргизами и башкирами, съ искусно подставленной мусульманствомъ татарской администраціей, съ мусульманскими школами. Здѣсь Ильминскій вновь повѣрилъ свои казанскія додумки и впечатлѣнія.

Къ счастью для инородцевъ, вспомнилъ объ Ильминскомъ Казанскій университетъ. Вернувшись въ Казань

(1862 г.), Ильминскій, уже профессоръ университета, вновь получилъ, еще при ректорѣ Иоаннѣ, приглашеніе на кафедру и въ родной ему академіи. Но вскорѣ же другой ректоръ, архим. Иннокентій, оказался еще грубѣе и непроницательнѣе, вновь вытѣснивъ своего питомца. Черезъ 5 лѣтъ академія, однако, загладила эти ошибки, избравъ Ильминскаго своимъ почетнымъ членомъ, конечно, при новомъ ректорѣ.

Итакъ, кромѣ своего труда, кромѣ живого общенія съ лучшими умами Казани, которые Ильминскій уже успѣлъ, по его выраженію, «обратить въ свою вѣру»,— вотъ характеристика огромной, научной и практической подготовки, съ которою онъ приступилъ къ дѣлу просвѣщенія инородцевъ: Ильминскій, страстно увлекавшійся въ академіи математикою, былъ основательный православный богословъ, отличный знатокъ восточныхъ языковъ и мусульманства, этнографъ и психологъ - педагогъ. Съ такимъ запасомъ знаній, при трезвомъ, дальнозоркомъ умѣ, при горячѣй любви къ людямъ, понятно, Ильминскій только и могъ создать систему обученія, рассчитанную не на однѣ свои силы и не на свой только вѣкъ, а на силы страны и на долгіе годы своихъ послѣдователей.

III.

Главная заслуга Ильминскаго заключается въ томъ, что онъ понялъ огромное государственное значеніе просвѣщенія инородцевъ, понялъ сдѣланныя въ этомъ дѣлѣ ошибки. Избѣгая послѣднихъ, Ильминскій творчески создалъ новую педагогическую систему, новую инородческую школу и доказалъ опытомъ жизнеспособность дѣла въ другихъ рукахъ. И при жизни, конечно, у Ильминскаго были враги, открыто боровшіеся съ нимъ теоретически, но Ильминскій побѣдилъ ихъ. Теперь, когда Ильминскій въ могилѣ, новые враги еще помнятъ его побѣду и селятся опровергнуть хоть «жизнеспособность въ другихъ рукахъ» и,—къ огорченію многихъ, весьма настойчиво... Но, вѣроятно, каждая мысль должна быть предварительно выстрадана: личная—ея носителемъ, общественная—всѣми причастными къ дѣлу. Только послѣ такого искуса крѣпнуть и сила мысли, и общественное требованіе ея поддержки.

Государственное значеніе надобности христіанскаго просвѣщенія инородцевъ было понято русскимъ правительствомъ еще очень давно, но въ этомъ пониманіи не было ясности и, вслѣдствіе того, опредѣленной системы дѣйствій.

Въ краткихъ словахъ ходъ дѣла былъ слѣдующій:

Русское духовенство начало обращеніе инородцевъ въ православіе сейчасъ же по покореніи Казанскаго царства. Первымъ миссіонеромъ былъ первый Казанскій архіепископъ св. Гурій. Инородцы, обращенные имъ и позднѣе, съ XVI вѣка, называются «старокрещеными»; обращенные въ XVIII вѣкѣ, т.-е. послѣ пріостановки дѣйствій нашего миссіонерства, называются «новокрещеными». По какому-то случаю, однако, эти названія остались только за татарами.

И въ XVI, и въ XVIII вѣкахъ наши миссіонеры и администраторы, не особенно глядя впередъ, не выходя въ душевную сторону дѣла, въ бытовыя условія, не зная языка, крестили инородцевъ цѣлыми толпами, награждая при этомъ крестиками, рубашками и пр. Тутъ же, однако, по записи въ реестры, инородцевъ бросали, оставляя безъ дальнѣйшаго въ вѣрѣ наставленія. Цѣлыя деревни «Василь-Иванычей» затѣмъ оповѣщались къ обязательной явкѣ въ церковь въ большіе праздники и царскіе дни, или оповѣщались къ домашнему пребыванію, ради посѣщенія приходскаго причта съ крестомъ и пр.

Отношенія свѣтской администраціи къ инородцамъ много разъ и правдиво были указаны въ печати, какъ вполне суровыя вообще, эксплуатировавшія инородцевъ внѣ всякой заступы. Такое беззащитное положеніе инородцевъ, между прочимъ, наглядно выразилось не вымершимъ еще обычаемъ устроить обидчику «суху-бѣду», т.-е. обиженный давился на веревкѣ у обидчика на дворѣ, чтобы подвести подъ «протори и убытки отъ суда и слѣдствія»...

Нисколько не удивительно, что, при такомъ отношеніи духовенства и администраціи, инородцы не могли сдѣлаться христіанами и не привязались ни къ русскому народу, а тѣмъ болѣе къ русскому правительству. Платя «что полагается», инородцы поэтому не бросили ни своихъ языческихъ моленій, вродѣ существующихъ до сихъ поръ «кереметей» въ заповѣдныхъ лѣсахъ, ни своихъ шамановъ,

ни (у бывшихъ мусульманъ) всякихъ повседневно-мусульманскихъ обычаевъ, ни готовности вернуться къ вѣрѣ отцовъ и дѣдовъ.

Съ другой стороны понятно, что обращеніе въ христіанство бывшихъ мусульманъ, хотя бы и бумажное, должно было встревожить мѣстное мусульманство. Муллы встрепетнулись, и даровитое татарское племя принялось какъ за отатареніе и омусульманеніе инородцевъ, такъ и за экономическое на нихъ вліяніе. Мусульманство дало инородцамъ простыя молитвы, не требовавшія дорогихъ храмовъ, дало дисциплинированный домострой, школу и въ надобныхъ случаяхъ—защиту отъ нашихъ властей.

До какой степени была непостоянна правительственная политика грустной поры нашего XVIII вѣка, можно убѣдиться, напр., изъ слѣдующихъ Высочайшихъ указовъ: 6 апрѣля 1731 г. и 11 сентября 1740 г. и др. (Полн. собр. зак., томъ VIII, № 5737, и томъ XI, № 8236) рекомендуютъ въ большомъ рядѣ пунктовъ цѣлую вереницу весьма гуманныхъ воздѣйствій и снисходительныхъ льготъ. Эти мѣры были приняты подъ очевиднымъ впечатлѣніемъ массовыхъ отпаденій инородцевъ въ мусульманство. А указомъ 20 февраля 1764 г. (*ibid.*, томъ XVI, № 12126) повелѣно: «Учрежденнымъ въ Казанской губерніи для обученія новокрещенскихъ дѣтей школамъ не быть»... Въ концѣ XVIII в. была закрыта въ Казани большая новокрещенская школа и даже сломана Захаріе-Елисаветинская церковь этой школы...

Эти дѣйствія и вліянія исподволь привели къ ослабленію нашего миссіонерства. Чтобы освѣтить ловкость и настойчивость мусульманъ въ достиженіи своихъ цѣлей, достаточно сказать, что они поняли даже образъ мыслей нашихъ высшихъ сферъ во второй половинѣ XVIII вѣка. На струнахъ увлеченія философіею энциклопедистовъ, подъ предлогомъ свободы вѣры и заботы о духовныхъ нуждахъ, наше правительство не только создало центральную магометанскую силу въ видѣ учрежденія должности уфимскаго муфтія (т.-е. нѣчто въ родѣ патріарха русскихъ мусульманъ), но даже и помогало строить мечети. Въ башкирскихъ и киргизскихъ мѣстностяхъ даже глядѣли сквозь пальцы, какъ мѣстныя администраціи силою загоняли въ тѣ мечети без-

призорныхъ инородцевъ. Правительство XVIII вѣка какъ бы увлеклось болѣе высокою степенью мусульманства въ сравненіи съ господствовавшимъ язычествомъ и смотрѣло на ому-сульманеніе инородцевъ, какъ на несомнѣнный прогрессъ.

Однако, начавшіяся вслѣдъ затѣмъ массовыя отпаденія инородцевъ въ мусульманство встревожили наше правительство не на шутку. Къ чести нашей администраціи конца XVIII вѣка, надо сказать, что лучшіе ея умы догадались о грядущей бѣдѣ для православія (но—только православія!), равно и о большей выгодѣ для Россіи привлечь сердца инновѣрцевъ, чѣмъ отступить отъ нихъ—и уже навсегда. Эти лучшіе умы догадались, что для инородцевъ нужны русская вѣра и школа въ видѣ православной молитвы и выучки на *ихъ родномъ* языкѣ и притомъ по книгамъ, напечатаннымъ *русскими* буквами.

Эта гуманная и дальновидная мысль испытала, однако, у насъ давно привычную канцелярскую волокиту. Ильминскій оставилъ намъ широкую картину развитія этой мысли въ книгѣ: «Опыты переложенія христіанскихъ вѣроучительныхъ книгъ на татарскій и другіе инородческіе языки въ началѣ XIX столѣтія» (Казань, 1885). Здѣсь собраны оффиціальныя матеріалы русскаго миссіонерства, глубоко поучительныя даже и для будущаго времени, особенно же въ далекой Закаспійской окраинѣ.

Тамъ и теперь идетъ скрытное сепаративное движеніе, иногда прорывающееся даже и среди глубокаго такта мусульманства, даже и на глазахъ современной администраціи. Примѣръ тому—недавній Андиджанъ.

Явленія эти, какъ и подобныя имъ, въ общемъ, слишкомъ сложны и глубоки, чтобы обсуждать ихъ здѣсь хотя кратко, даже въ главнѣйшихъ чертахъ. Предѣлы настоящей статьи, посвященной собственно вопросу объ образованіи восточно-русскихъ инородцевъ, не позволяютъ сдѣлать даже и возможно-широкія обобщенія. При всемъ уваженіи ко всякому исповѣданію, при всемъ желаніи быть вполне вѣротерпимыми, нельзя не признать и того, что смѣшеніе понятій о свободѣ исповѣданія и о свободѣ религіозной пропаганды вообще приводитъ къ крупнымъ недоразумѣніямъ. При тѣсной связи разныхъ вспышекъ съ существующими и возникающими бытовыми, религіозными

и политическими условиями разных народов, такое смѣшеніе особенно легко. Въ предѣлахъ настоящей статьи желательнѣе лишь отмѣтить невозможность смѣшенія окраинъ Россіи съ ея внутренними территоріями,—невозможность сблизить самое открытое, простое, высоко-гуманное школьное миссіонерство съ присущимъ иному исповѣданію религіозно-политическимъ движеніемъ. Если никакая религіозная дисциплина въ мірѣ не можетъ быть оскорблена въ томъ, что она имѣетъ свое искреннее, вѣковое, неотторжимое, святое прошлое въ сердцахъ людей, то это не значитъ, чтобы тѣмъ устранялись государственные интересы и величайшій изъ человѣческихъ *мирныхъ* прогрессовъ, т.-е. умственные и неразлучныя съ ними религіозныя движенія впередъ. Права и обязанности какъ государства, такъ и двигателей прогресса могутъ мѣстно не только не исключать другъ друга, но, напротивъ, могутъ и совершенно совпадать между собою. Все дѣло въ томъ, чтобы регулированіе этихъ отношеній было полно ума, честности и открытаго довѣрія. Культурное завоеваніе Россіею своихъ внутреннихъ инородцевъ, какъ сущее благо для нихъ, какъ сущая *обязанность* Россіи, на самомъ дѣлѣ нисколько не касается мусульманства, какъ исповѣданія. Прошлое въ этомъ дѣлѣ есть выразительное доказательство сдѣланныхъ, частью же и дѣлаемыхъ ошибокъ, избѣжаніе которыхъ для будущаго Россіи совершенно необходимо. Это будущее должно быть въ дѣлѣ инородцевъ устроено истинно-отечески, съ истинною любовью къ свѣту ученья и съ высокимъ уваженіемъ къ бытовымъ и племеннымъ особенностямъ инородцевъ. Только при такомъ направленіи государственныхъ воздѣйствій можно будетъ ждать спокойнаго и благодѣтельнаго будущаго для всѣхъ инородцевъ и ихъ братьевъ,—русскихъ людей.

IV.

До чего, въ началѣ XIX вѣка, медленно шло осуществленіе гуманныхъ мѣръ, намѣченныхъ къ религіозному просвѣщенію инородцевъ, видно изъ того, что вновь учрежденныя школы для инородцевъ считались единицами въ районахъ съ десятками тысячъ инородцевъ; не менѣе ха-

рактрно и то, что даже 50 лѣтъ тому назадъ профессоръ Казембекъ переводилъ для татаръ еще самыя, такъ сказать, «ходовыя» наши молитвенныя тексты. До чего мало были выработаны въ это время подробности переводческаго дѣла—достаточно сказать, что тотъ же Казембекъ переводилъ для татаръ-крестьянъ наши тексты на книжно-татарскій языкъ, какъ извѣстно, переполненный арабизмами. Переводы эти печатались арабскимъ шрифтомъ и точно будто бы предназначались для ознакомленія муллъ съ нашимъ богословіемъ и богослуженіемъ, а не для растворенія къ православію простыхъ сердець, жаждавшихъ самой понятной молитвы. Вѣроятно, муллы и были единственными читателями переводовъ Казембека.

Въ отвѣтъ на начало нашихъ переводовъ мусульманская пропаганда проснулась вновь. Опять началась усиленная постройка деревянныхъ мечетей, стоимость которыхъ не дороже 3-хъ, 4-хъ избъ; опять умножилось число мусульманскихъ школъ, дешевизна которыхъ была только удивительна. Разрозненная, безсистемная борьба нашего миссіонерства, безъ книгъ, только съ увѣщаніями чуть ли не на русскомъ языкѣ, была, очевидно, неудачна. Усилились и участились массовыя отпаденія, пріобрѣтшія уже очевидную сепаративную окраску. Дѣло приняло послѣ Севастополя столь тревожный характеръ и охватило столь обширную территорію, что русская администрація, хотя не надолго, но задумалась надъ социальнымъ значеніемъ такого движенія и надъ годностью бывшихъ у насъ средствъ для борьбы. Устрашенія отпавшихъ судомъ, ссылкой въ Сибирь стали уже вполне бесполезны, вреда намъ еще болѣе обострившимся раздраженіемъ фанатиковъ.

Въ это именно время, т.-е. къ 60-мъ годамъ, выработался уже готовый планъ въ гениальной головѣ Ильминскаго. Главная идея этого плана уже была указана выше. Христіанское воспитаніе и обученіе инородцевъ, положенное въ основу плана, вели за собою и обрусѣніе инородцевъ силою общедоступной молитвы и общественнаго богослуженія на родномъ языкѣ. Школы предполагались самыя недорогія.

Школа для инородцевъ была логически создана Ильминскимъ изъ наблюденій надъ всѣмъ хорошимъ въ му-

сульманской и русской народной школѣ. Это лучшее было взято во вновь создаваемую школу лишь въ мѣрѣ возможнаго къ совмѣстному существованію.

Мусульманская школа была хороша своею религіозностью, дешевизною и свободою учителя отъ всякаго контроля.

Русская школа была лучше мусульманской болѣе широкимъ курсомъ наукъ и особенно церковнымъ пѣніемъ; но она страдала непомѣрнымъ и ненадобнымъ множествомъ всякаго начальства, стѣснявшаго свободу школы и вредившаго достоинству учителя.

Мусульманскихъ школъ было множество, русскихъ же вполне ничтожное число.

Творческая работа Ильминскаго создала дешевую школу для инородца съ сильнымъ подъемомъ религіозности, но безъ фанатизма,—съ полною свободою курса ученя и дѣятельности учителя; особенно выдавалось сильное развитіе церковнаго пѣнія и умно поставленный курсъ русскаго языка, обязательный въ каждой школѣ.

Обрусѣніе инородцевъ понималось Ильминскимъ отнюдь не какъ насильственное и потому обидно-форсированное обученіе русскому языку, а какъ мирное завоеваніе инородческихъ душъ и сердець «русскою вѣрою», усваиваемою на языкѣ инородца,—какъ завоеваніе съ помощью свободнаго, благодарнаго за ученье чувства.

Именно въ этомъ смыслѣ и уставилось слово «обрусѣніе» еще 40 лѣтъ назадъ. Позднѣе появилось новое словечко «обрусеніе» (черезъ «е»), производимое отъ глагола «обрусить», т.-е. заставить инородца быть русскимъ, а не предоставить ему самому «обрусѣть» добровольно.

Въ школахъ Ильминскаго соотношеніе преподаванія на родномъ языкѣ и на русскомъ, конечно, зависѣло отъ степени владѣнія инородцами русскимъ языкомъ въ данной мѣстности. Начало обученія и воспитанія было на инородческомъ языкѣ. По мѣрѣ усвоенія школою языка русскаго, преподавательскій языкъ, тотъ или другой, могъ мѣняться ранѣе, или позднѣе. Но пѣніе въ школѣ, какъ и богослуженіе въ приходѣ, было болѣе предпочтительно на языкѣ инородцевъ.

Въ послѣдней области, такъ сказать религіозно-художественной, школа завоевывала себѣ самое обширное влія-